

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ КОНЦЕПТЫ РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА В НОРМЕ И ПРИ ПАТОЛОГИИ

Е. Н. Давтян*, С. Э. Давтян**

*Кафедра клинической психологии и психологической помощи РГПУ им. А.И.Герцена, Дневной стационар №3
ГПНДС №7, Санкт-Петербург

**Кафедра психиатрии и наркологии медицинского факультета СПбГУ, Дневной стационар №2 ГПНДС №7,
Санкт-Петербург

Резюме. На основании анализа особенностей русской языковой картины мира, данных этимологических словарей, лингвистических работ об истории слов, обозначающих эмоции в русском языке, авторы статьи приходят к выводу о справедливости социально-конструктивистского подхода в вопросе о происхождении эмоций. Доказательство своей позиции они находят в феномене *реметафоризации* при эндогенных депрессиях, когда вариативная надстройка в «эмоциональных» словах обедняется, и душевное страдание предстает перед врачом в своем древнем «телесном» выражении. Кроме того, в работе предлагается дифференциация эмоций в категориях эмоций-реакций и эмоций-состояний.

Ключевые слова: эмоции, языковая картина мира, метафора, *реметафоризация*, боль.

EMOTIONAL CONCEPTS IN RUSSIAN LINGUISTIC WORLD IMAGE IN NORM AND PATHOLOGY

E. N. Davtian, S. E. Davtian

Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen, Department of Clinical Psychology and Psychological Assistance, City PND №7, St.Petersburg

St.-Petersburg State University, Department of Psychiatry and Narcology,
City PND №7, St.-Petersburg

Summary. Based on the analysis of the Russian linguistic world image, on the data of etymological dictionaries and linguistic studies of the history of the words denoting emotions in the Russian language, the authors come to the conclusion about validity of the socio-constructivist approach to the question of the origin of emotions. They find the proof of their position in a *remetaphorization* phenomenon at endogenous depressions when the variable add-on in "emotional" words is impoverished and mental pain appears before a doctor in his ancient "bodily" expression. In addition, the authors propose a differentiation of emotions in terms of emotion-reactions and emotion-states.

Keywords: emotions, metaphor, linguistic world image, *remetaphorization*, pain.

*Различные языки по своей сути, по своему влиянию на познание
и на чувства являются различными мировидениями.
Вильгельм фон Гумбольдт*

Методологические замечания

Попытки решения нестандартных задач всегда нуждаются в обозначении методологической позиции исследователя. Наше время - время повсеместного господства технологий: в производстве, в медицине, в образовании, в быту и даже в деле получения научных знаний. Унифицированные технологии всегда основываются на предыдущих теоретических разработках и являются полезным инструментом при решении типовых задач (хорошо известный пример – доказательная медицина). Однако любая технология становится бесполезной при обращении к слабо разработанным областям знаний. Исследователь, взявшийся за решение не типовой задачи, «нуждается в том, чтобы посмотреть на свою область со стороны, осмыслить ее в контексте науки как целого, нуждается в расширении кругозора» [1], в выходе за тесные привычные рамки своей специальности.

Свою методологическую позицию мы относим к *постнеклассическому* в классификации В. С. Степина [2] этапу развития научного знания, и ее подробно излагали в печати ранее [3, 4]. В этой работе мы обозначим лишь некоторые ключевые моменты.

1. Фундаментальной онтологической характеристикой человеческого существования является *понимание* (смысл): человек живет, понимая. Понимание имеет *языковой* характер и полностью реализует себя только в языке. Понимание *диалогично* по своей сути: человек понимает себя только в диалоге через Другого.

2. Предметом исследования в психиатрии является отклоняющееся от общепринятых норм *поведение* больного, прежде всего *речевое*. Поведение больного детерминировано смыслами его *патологической реальности*. Инструментом прояснения патологических смыслов является *диалог* больного с врачом. Единственный общий язык между врачом и пациентом – *обыденный язык*.

3. Точкой пересечения психиатрии и лингвистики является *семантический* (смысловой) уровень языка.

Введение в тему

Тема национально специфической языковой картины мира практически не обсуждается на страницах современных психиатрических научных изданий. На этом основании мы считаем необходимым дать небольшую, самую общую историческую справку.

Языковая картина мира (менталитет, ментальность) является предметом научного интереса уже более века. Впервые писать о ней начали в конце XIX века социологи и культурологи, изучавшие особенности жизни первобытных племен. Затем тему подхватили историки, обнаружившие важные различия средневекового и современного мышления; чуть позже менталитетом занялись философы (французская школа – «эпистема» М. Фуко; немецкая школа – «концепт» как основная единица ментальности, постигаемая герменевтически) [5]. Завершающим моментом развития темы менталитета явились работы лингвистов, которые начали систематически изучать проявления национально-специфической языковой картины мира в категориях и репрезентациях различных языков.

В настоящее время общеизвестным в лингвистике является положение о том, что каждый естественный язык по-своему членит мир, т.е. имеет свой специфический способ его концептуализации. Иначе говоря, в основе каждого языка лежит особая модель мира, и говорящий вынужден организовать содержание своего высказывания в соответствии с этой моделью [5-12 и др].

Обыденный язык («наивная», «донаучная» картина мира) интерпретируется как складывающаяся веками модель мира, «отражающая материальный и духовный опыт народа, носителя данного языка» [8]. Иначе говоря, любой язык в неявном виде содержит обыденные представления о мире, об объектах и ситуациях, правилах и нормах жизни [7]. В свою очередь, сами эти представления сформированы у современных носителей языка под влиянием языковой концептуализации мира (на этом предположении основана широко известная гипотеза лингвистической относительности Сепира – Уорфа). В этом проявляется двойственный характер языка: с одной стороны он является необходимым условием (матрицей) для категоризации мира, с другой – является основным инструментом интерпретации/понимания/описания этого мира.

«Наивные» картины мира могут разительным образом отличаться у носителей разных языков. Многочисленные сопоставительные исследования языков мира (англосаксонских, славянских, языков малых народов и пр.) лишь подтвердили высказанные еще в начале XIX века В. Фон Гумбольдтом идеи о том, что «ни в одном языке нет для обозначения внефизических предметов полностью равнозначных слов» [6]. Иначе говоря, каждый язык содержит свои национально-специфические концепты, которые часто трудно (а иногда и невозможно) полностью объективировать в других языках и которые определяют «культурные сценарии» поведения людей [9]. Следует отметить, что «наивная» языковая картина мира традиционно противопоставляется научной, которая

является общей для людей, говорящих на самых различных языках и не зависит от языка, на котором она описывается [8].

Эмоциональность русской языковой картины мира

Общим различительным признаком восточнославянской культуры признается ориентация на чувство, в отличие от культуры Запада с характерной для нее ориентацией на рассудок. Среди большого количества исследований русской языковой картины мира [5, 7-13] широкую известность получили работы польского лингвиста А. Вежбицкой [9-11] о семантике русского языка и уникальных концептах русской культуры (любопытно отметить, что уникальные русские концепты *душа* и *тоска* имеют самое непосредственное отношение к психиатрии).

По мнению А. Вежбицкой, одной из основных особенностей русского языка является его эмоциональность, «акцент на чувствах, и на их свободном изъятии, ...богатство языковых средств для выражения эмоций и эмоциональных оттенков» [9, с.13]. Каждый язык накладывает свою собственную классификацию на эмоциональный опыт человека, но «именно русский язык выступает как язык, уделяющий эмоциям гораздо большее внимание и имеющий значительно более богатый репертуар лексических и грамматических выражений для их разграничения» [9, с.44]. Вот что писал по этому поводу академик Ю. В. Рождественский: «Как лингвист, много лет отдавший сравнительному языкознанию, ответственно утверждаю: нет ни одного языка на земле, который обладал бы такими широкими возможностями передавать эмоции, образы и понятия, как русский язык» [14]. Иначе говоря, русский язык дает исключительный материал для анализа происхождения и становления эмоциональных слов в языковой картине мира носителей языка, т.к., в сравнении с другими культурами, «русская культура относит вербальное выражение эмоций к одной из основных функций речи» [9].

Метафора как основной инструмент словообразования

Большинство слов, обозначающих феномены внутреннего мира, в т.ч. эмоции, являются абстрактными по смыслу именами, в отличие от конкретно-предметных обозначений. В абстрактных именах совмещены инвариантная часть и вариативная, связанная с особенностями уклада жизни и практической деятельности каждого носителя языка в определенный период исторического развития [5]. Это соотносится с представлением о языке как о живой, постоянно эволюционирующей системе: с одной стороны, лексический состав языка определенного периода – относительно устойчивая система, с другой, – в языке постоянно происходят процессы образования новых слов,

изменения объема значения старых. Это означает, что язык в разные исторические периоды существенным образом отличается. Развитие языкового (человеческого) сознания происходит за счет появления новых абстрактных имен (слов), которые в дальнейшем становятся неотъемлемой частью понятийной системы (мира) человека. В конечном итоге, изучение происхождения слова «позволяет увидеть то сырье, из которого делается значение» слова [15].

Интерес к внутреннему миру человека, в том числе к его эмоциональным состояниям, впервые возник и начал активно развиваться только в XVIII веке. По данным лингвистов, в русском языке того периода зафиксировано всего около 400 слов (в настоящее время эта цифра на порядок больше), обозначающих любые психические переживания человека [Круглов М. В., 1998; цит. по 5]. Система обозначений психических состояний еще не сложилась, а значения отдельных слов, в том числе обозначающих эмоции, были слабо дифференцированы и отличались полисемантической [Камалова А. А., 1994, цит. по 5; 13, 16]. Именно в это время христианская идея *души* начала постепенно преобразовываться в светское понимание *психики*. Исследования лингвистов хорошо согласуются с данными обширной психиатрической литературы, свидетельствующей о том, что «чувство» и «чувствование» стали психиатрическими понятиями лишь с XVIII века. До того «на протяжении столетий те же самые обстоятельства рассматривались в рамках темы «страдания души»» [17].

В основе появления в языке новых слов лежит метафора. Основой метафоры является сравнение, устойчивое подобие, раскрывающее сущность предмета (например, сравните значение слова «рука» в словосочетаниях «рука матери» (не метафора) и «рука судьбы» (метафора)). Механизм метафоризации постоянно действует при встрече человека с новым опытом, для которого нет словесного обозначения в языке. Именно в метафоре рождается новый смысл. Однако в обыденном языке метафора действует только как техника порождения новых слов: «Рано или поздно практическая речь убивает метафору», т.к. метафора неудобна для обыденной речи, а «ее неоднозначность несовместима с коммуникативными целями» языка [15, с.9]. Образуется новое слово, которое на общих правах входит в словарный состав языка: через психологический образ к новому смыслу – метафоре. Затем через метафору к знаку (слову) как основному средству коммуникации.

История появления слов, обозначающих эмоции

Слова, обозначающие эмоции, – такие как «тоска», «грусть», «печаль» – появлялись в русском языке постепенно примерно с XI века [18, 19, 20], в отличие, например, от английского языка, где начало формирования семантического поля «эмоции» датируется

V веке. Причем, наполняемость поля в русском языке происходила неравномерно: в XI веке появилось 16 лексем (на этот момент в английском языке существовало только шесть слов изучаемого поля), в XVII – одна, в XVIII-XIX веках по три лексем [18]. Более того, только с XVIII века в эмоциональных словах стал преобладать смысловой компонент индивидуального психического переживания, возникла тенденция ко все более точному и специализированному обозначению различных проявлений душевной жизни. В древнерусскую эпоху определяющей смысловой составляющей являлась соборность, «общественная и религиозно-нравственная значимость, а вовсе не уникальность переживания» [19].

Интересно отметить, что в русском языке лишь некоторые слова, относящиеся к семантическому полю *эмоции*, являются заимствованными (такие как *аффект*, *депрессия*, *эмоция*, *шок*), остальные появлялись в языке за счет естественных внутриязыковых процессов словообразования (что разительным образом отличается, например, от английского, где большая часть эмоциональных слов – заимствования [18]).

Обобщающее понятие «эмоции» отсутствовало в русском языке вплоть до конца XIX века [20, 21]. Это объясняется тем, что в русском языке уже с X-XI века существовало слово *чувство*, которое и выступало родовым понятием по отношению к другим эмоциональным словам. По мнению А. А. Зализняк, лексема «эмоция» до настоящего времени занимает в обыденной речи позицию «ученого» синонима с негативными коннотациями («слишком много эмоций») по отношению к общеупотребительному слову «чувство» [21].

Еще одно известное слово *настроение* произошло от глагола *настраивать* (музыкальные инструменты). По данным академика В. В. Виноградова [22] только в конце XVIII века в русском языке обозначился метафорический переход от настройки музыкального инструмента к настрою души, однако обозначение психического состояния словом *настроение* было чуждо русскому языку вплоть до 20-30 годов XIX века.

Слово *депрессия* появилось в русском языке (язык-донор – французский) в конце XIX века в качестве метеорологического термина, а затем стало использоваться в обыденной речи и в переносном значении «состояния уныния» [18].

Нельзя обойти молчанием широко используемое, в том числе в психиатрии, слово *тревога*, трудное и неясное в этимологическом отношении. В письменных памятниках древнерусского языка оно не встречается (первое упоминание зарегистрировано в 1731 году) [20]. Значительно старше близкое по смыслу слово *трепет* (древняя формула – *биятися и трепетати*). Древнерусское *трепетати* значит «дрожать», «трястись» (*трепета* – осина, «у которой каждый листок трепещет» [5]).

Согласно исследованию А. В. Алексеева, дифференциация эмоций по признакам интенсивности и протяженности во времени оформилась в русском языке только в XIX – XX веках. Немногим более ста лет назад окончательно оформились слова со значением «интенсивное отрицательное чувство» (*горе, скорбь*) и «неинтенсивное» (*грусть, уныние, хандра, печаль, тоска* и пр.); протяженное во времени чувство (*ипохондрия, меланхолия*) и кратковременное (*огорчение*) [19].

В основе всего богатства языка лежат несколько ключевых (базисных) метафор. Согласно давно ставшей классической работе Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Метафоры, которыми мы живем» [23], одной из основных базисных метафор, на которых строится все здание современного языка, является естественный опыт тела человека. Именно в русском языке происхождение слов, обозначающих эмоции особенно «прозрачно» и часто основано на естественной телесной чувствительности (что не всегда обязательно для других языков; например, в китайском для обозначения *печали* используется идеограмма «осень», добавляемая к идеограмме «сердце» [24]).

Ниже приведена этимология некоторых эмоциональных слов [20, 25].

Печаль – от глагола *печь*; *горе* – от *гореть, жечь*; *мучение, мука* – от *мять, давить*; *тоска, гнет* – от *теснить, давить*; *сожаление* – от *жалить, колоть*; *грусть* – от *грызть* и т.д.

Самое новое из этих слов – *грусть*, оно неизвестно до XVII века [5]. В древнерусском языке слово *грущение (грустко)* значит «скучно». Между *грустко* и *грусть* – целая историческая цепочка образных осмыслений и уточнений конкретного (телесного) переживания в различных житейских ситуациях, затем обобщенного в одном слове.

В основе многих эмоциональных слов русского языка лежит фундаментальная эмоция *страдание-страсти*, связанная с переживанием *боли*, а затем ее разрешением в другой эмоции [5].

Широко известно обилие в русском языке слов с общим значением «бить» [8]. Эта языковая особенность традиционно считается результатом русской истории – повального битья в древней Руси. Слово «бить» этимологически связано со словом *бояться* [25]. Вот примерная реконструкция исторического развития различных чувств, в основе которых «*боль от битья*»: реакция на источник физического воздействия/боли – *боязнь*; проявление волнения при угрозе боли – *трепет, страх*; оцепенение от боли/страха – *страсть* (в древнем значении *страдания*); онемение, за которым прямая гибель – *ужас*. В переживании боли возникает *гнев* как реакция на страдание, вызывающая решимость и т.д. [5].

Этимология слова *боль* – «пагуба, зло» [25], «уничтожение, гибель» [20], т.е. в культуре слово «боль» является фундаментальным чувством, универсальным маркером –

указателем на страдание (душевное и физическое) и несет в себе смысл общего неблагополучия, которое угрожает существованию и может привести к гибели.

Эмоции как таксон культуры

На основании анализа изменявшихся с течением времени значений слов лингвист профессор В. В. Колесов реконструирует следующий порядок «эмоционального синтеза» в русском языке, происходившего параллельно с вербальным синтезом словесных знаков (слов, обозначающих эмоции): «*Конкретные ощущения* физиологического характера сгущались в психические комплексы *видовых чувств* с тем, чтобы, наконец, преобразоваться в социально важные *роды эмоций*. Именно такое движение мысли: ощущения > чувства > эмоции» [5, с. 320]. Иначе говоря, эмоции вычленились в русском языке из телесных ощущений (инвариантная часть) по мере развития человеческого сознания (мира). Развитие сознания есть по сути развитие смыслов (появление новых понятий). Каждый исторический этап соответствует определенному уровню дифференциации чувств. По мере эволюции человеческого мира эмоции постепенно развивались, усложнялись, рождались новые смыслы и множились ситуации, в которых переживались разные оттенки чувств (эмоций). Эти различные оттенки чувств, дав толчок семантическому процессу, через образ и метафору постепенно именовались, в результате чего и появлялись новые слова, обозначающие эмоции.

Таким образом, эмоции являются *таксоном культуры*: специфичность выражения эмоций «предопределена индивидуальным эмоциональным трендом и эмоциональным индексом данной культуры» [26, с.300], а вербализация эмоций в различных языковых сообществах «не всегда совпадает по форме, объему и качеству эмотивных смыслов» [26, с.288].

В этом месте уместно вспомнить известную дискуссию между сторонниками «ярлыкового» и «конструктивистского» подходов [9]. Первые утверждают, что название эмоции – это ярлык, эмоции существуют независимо от них. Вторые настаивают, что именование содействует созданию эмоций. Очевидно, что авторы статьи склоняются к справедливости социально-конструктивистского подхода к пониманию эмоций, т.к. любые эмоциональные понятия содержат определенные культурные сценарии, «на основе которых носитель языка может моделировать чувства и интерпретировать эмоции» [9, с. 345]. Подтверждение нашей позиции мы находим при анализе психопатологии.

Феномен реметафоризации при психической патологии

Согласно классическим представлениям, психоз понимается как изменение в структуре психических процессов соотношения протопатической и эпикритической чувствительности, который приводит к появлению регрессивных (древних) форм реагирования. По нашему предположению, при психозах происходит не только психический, но и речевой «возврат в прошлое», начинают функционировать процессы, обратные естественной эволюции языка. При протопатическом уровне реагирования запускается патологический процесс *реметафоризации* [27]: современные способы обозначения эмоций редуцируются в высказываниях больных, вариативная надстройка в «эмоциональных» словах обедняется. Очевидно, что культурные смыслы в эмоциональных словах не соответствуют новому патологическому опыту чувствования, и больные возвращаются к древним (телесным) способам описания. Вместо слова «тоска» начинают использоваться словосочетания типа *«сдавление и тяжесть в груди»*; вместо «горя» – *«горение и жжение тела»*; вместо «сожаления» – *«проколы по всей голове»*; вместо «печали» – *«припекание мозга»* и т.д. Архаичные образы русских эмоциональных слов содержат указание на то, что что-то терзает, жжет, мучит, вызывая *боль* и *страдание*. Психическая и коммуникативная деятельность больных направлена на раскрытие смысла происходящих с ними изменений, для которых нет подходящих слов в обыденном языке. Это приводит к появлению в речи больных метафор, основным содержанием которых (общим смыслом, который они выражают) является *угроза* жизни или здоровью. Приведем пример.

Высказывание больной с эндогенной депрессией (симптом предсердной тоски).

«Сжатие сердца, ощущение как будто меха на баяне сжали, а развести их невозможно...как будто на сердце рана, и гной из нее понемногу выходит, но сама рана не прорывается... ощущение, что сердце кровоточит... тяжесть, ноющая боль... сопровождается тревогой, тоской, чувством вины...Сердце как бы сплюснулось, стало как блин... Чувство пустоты в груди, тоска, печаль...».

Этимолого-феноменологический анализ высказывания

Сердце у славян издавна является носителем чувств и эмоций, главным органом, ответственным за все человеческие чувства (у других народов ту же роль могут играть печень или почки). В русской языковой картине мира душа устойчиво связана с сердцем, часто в высказываниях душа и сердце заменяют друг друга [5, 7]. В высказывании больной *«сердце»* эквивалентно по смыслу «душе», а метафорическое сравнение *«как будто на сердце рана»* несет указание на «раненую душу».

Слово «*тоска*» этимологически восходит к *давлению, тесноте, пустоте* (отсюда же: *тощий, тщетный* в значении «тонкий, пустой») [20]. В анализируемом тексте эта эмоция представлена словосочетаниями «*сжатие сердца*», «*сердце сплюснулось*», «*тяжесть*», «*чувство пустоты в груди*». Этап метафоризации представлен образными сравнениями: «*как будто меха на баяне сжали, а развести их невозможно*», «*сердце как бы сплюснулось, стало как блин*».

Гной – гнить, гниль, *гнев* [25]. Самое древнее сакральное значение от «гнетить» – *гореть, возжигать огонь*. В обыденной речи гнев ассоциируется с *огнем, жаром души*. Иначе говоря, метафорическая рана на сердце у больной с выходящим из нее гноем несет в себе все то же смысловое значение повреждения (*горения, гниения*) души.

По нашим данным [28, 29], все многообразие обозначений телесных ощущений в обыденном языке сводится к трем основным смысловым категориям (семантическим группам): *давление, жжение и боль*. В приведенном высказывании к *давлению* относятся «сжатие», «тяжесть», «сплюснулось». К *жжению* – «гною» (гнетить – гореть) и печаль (которая печет). Оба ключевых понятия *давление* и *жжение* по своему происхождению восходят к уничтожению (смерти, гибели): этимология слова «давление» от глаголов *душить, умерщвлять*; этимология слова «жжение» – от выражения *уничтожать огнем* [20, 25]. По-видимому, история обозначения в русском языке телесных ощущений восходит своими корнями к известным с древнейших времен представлениям о двух основных способах причинения физического страдания человеку при помощи огня (категория *жжение*) или путем сдавливания (категория *давления*).

И, наконец, в высказывании есть слово *боль* – фундаментальное чувство, универсальный указатель на страдание, ведущее к гибели.

Таким образом, при помощи доступных для больной языковых средств она стремится передать свою душевную тоску, душевную боль, которая угрожает ее благополучию (а может быть и жизни) и заставляет страдать.

В этом месте необходимо высказать важное предостережение: никакого смысла вне *личного ощущения* больного, вне его *чувства* не существует. Иначе говоря, любые предположения о сути высказывания необходимо уточнять у самого больного. Повальное увлечение формализацией в настоящее время зачастую создает иллюзию точности восприятия смысла. Мы имеем в виду иллюзию «понимания» больного, которая возникает при непрофессиональном расспросе или при формальном заполнении бланка опросника. Согласно А. Вежбицкой, значения слов – это, прежде всего, «постоянные, не меняющиеся условия употребления слов» [9, с.243]. Здоровый человек (в том числе и врач) пользуется словами языка в их современном повседневном значении. При этом *условия* употребления

слов для него обыденны и неизменны. Сказать то же самое про больного нельзя. При психической патологии он испытывает то, чего никогда не бывает в норме. При этом больной не имеет никаких других слов, кроме слов обыденного языка, для обозначения того, что испытывает. Он вынужден пользоваться обычными словами в иных *патологических условиях*, что приводит к трансформации значений обычных слов (формированию *патоидиолекта* по Б.Е. Микиртумову [30]). Кроме того, как мы показали выше, при аффективной патологии запускаются процессы *реметафоризации*, и душевное страдание предстает перед врачом в своем древнем «телесном» выражении. В этом отношении важно еще раз подчеркнуть, что никакого смысла без *личного ощущения* больного, без его *чувства* не существует. Смысл рождается только в *диалоге* больного с врачом, где именно больной и есть «*мера всех вещей*», т.к. цель любой диагностической беседы – прояснение феноменов *его* внутреннего мира.

В завершение этой части необходимо отметить, что наша гипотеза *реметафоризации* хорошо согласуется с представлениями классической психиатрии об эндогенной (витальной) депрессии. По К. Шнайдеру, витальная депрессия – это «депрессия почти физическая», при которой витальные физические ощущения неотделимы от витальных чувств, таких как чувство боли, которому «ничто не соответствует», витальный страх и витальная тоска. [17]. А исследования лингвистов об истории появления в языке эмоциональных слов прямо коррелируют с эволюционными идеями о послыном строении психики Дж.Х. Джексона – А.В. Снежневского. Согласно этим представлениям, депрессивные (аффективные) расстройства являются эволюционно более поздними и принадлежат высшим регистрам продуктивных расстройств. Напомним, что эмоциональные концепты начали активно дифференцироваться и приобретать современное звучание в русском языке лишь с XVIII века.

Эмоции-реакции и эмоции-состояния

В отличие от большинства существующих подходов, рассматривающих эмоции как реакции в самом широком понимании этого слова (мера благополучия/неблагополучия в складывающихся вокруг ситуациях и происходящих событиях), любопытной представляется концептуализация эмоций в терминах реакций и состояний. В русском языке существуют обозначения эмоций, от которых можно образовать глаголы, вызывающие соответствующие эмоциональные реакции, и эмоции, от которых такие глаголы образовать нельзя. К первой группе относятся: *горе – огорчать, печаль – печалить, гнев – гневить* (в современном языке чаще *сердить* от «сердца как вместилища гнева»), *страх – страшить, тревога – тревожить* и т.д. Ко второй группе относятся:

тоска – но недопустимо «затоскить», *страдание* – недопустимо «застрадать» (кого-то), *грусть* – недопустимо «загрустить» (кого-то). Первая группа эмоциональных слов обозначает эмоции-реакции, в которых производитель действия и объект, над которым производится действие, полностью разделены (на уровне языка). Эти эмоции требуют активности, обслуживают внешние по отношению к субъекту интересы и выполняют сигнализирующую и мобилизующую функции. Эмоции-реакции относятся к описанию мира в терминах причин и их следствий. Вторая группа эмоциональных слов – это эмоции-состояния, в которых субъект пассивен (пребывает в страдательном залоге существования), хотя при этом и использует квазиактивную лексику («я *тоскую*», «я *страдаю*»). Эти эмоции не требуют (и даже препятствуют) активности, обслуживают внутренние по отношению к субъекту процессы и сигнализируют о внутреннем неблагополучии. Эмоции-состояния относятся к феноменологическому ряду описаний.

По данным синтаксической типологии языков, все естественные языки транслируют «два основных способа смотреть на мир» [9, с. 73]: в терминах причин и их следствий и в субъективных феноменологических описаниях. По А. Вежбицкой, «из европейских языков русский, по-видимому, дальше других продвинулся по феноменологическому пути» [9, с. 73]. В рамках эволюционного подхода абстрактно-логическое описание в жестких причинно-следственных категориях с полным выделением субъекта действия и объекта воздействия является эволюционно более поздним образованием, по сравнению с феноменологической субъект-объектной неразделенностью. Более того, наиболее часто встречающийся (хотя и не единственно возможный) из известных на сегодняшний день путей языковой эволюции – это путь анализации: от синтетического строя языка к аналитическому [31]. [Напомним, что из европейских языков к аналитическому строю тяготеют английский, французский, итальянский, датский и др.; а синтетическими считаются русский, литовский, финский и др.]

С позиций этих эволюционных размышлений, по-видимому, можно утверждать, что в русском языке категоризированы и лингвистически, и филогенетически более древние эмоции-состояния, и эволюционно более поздние эмоции-реакции. С психопатологических позиций очевидным представляется то, что из эмоций-состояний при возникновении болезненного процесса в дальнейшем развиваются эндогенные аффективные расстройства. А из эмоций-реакций – реактивные состояния (от реактивной депрессии до острых аффективно-шоковых психозов).

Заключение

Перефразируя финальные слова Анны Вежбицкой к работе «Русский язык» [9, с. 85], мы хотели бы заметить, что наша попытка охарактеризовать эмоциональные концепты как следствие национального языкового и культурного универсума может показаться делом весьма безрассудным в наше время, когда средоточием всей психической жизни человека (во всяком случае, в медицине) считается головной мозг. Такого рода предприятия требуют определенного интеллектуального риска, который полностью отсутствует в современных медицинских исследовательских технологиях накопления фактов. Однако мы полагаем, что идти на такой риск необходимо. Долгосрочным следствием отказа от него в современной стандартизированной психиатрии явились как отсутствие сколько-нибудь серьезных результатов на пути более глубокого понимания сути психопатологических явлений, так и исчезновение надежды на появление этих результатов при движении по этому пути.

Список литературы:

1. Степин В.С. Научная картина мира в техногенной цивилизации / В.С.Степин, Л.Ф.Кузнецова. – М.: ИФ РАН, 1994.
2. Степин В.С. Философия науки. Общие проблемы: учебник для аспирантов и соискателей ученой степени кандидатов наук. – М.: Гардарики, 2006. – 384 с.
3. Давтян С.Э. Многомирие (что нам подсказывает психопатология о природе человека) // Вестник Ассоциации психиатров Украины. Донецк, 2013, №1, С. 51-58.
4. Давтян С.Э. Природа человека и эволюция психотической реальности (трансдисциплинарная модель) // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Психология. 2013. Т. 2. №2. С. 18-32.
5. Колесов В.В. Русская ментальность в языке и тексте. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006. – 624с.
6. Гумбольдт В. Язык и философия культуры. – М.: Прогресс, 1985. – 452с.
7. Урысон Е.В. Проблемы исследования языковой картины мира: Аналогия в семантике / Рос. Академия наук. Ин-т русского языка им. В.В.Виноградова. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 224 с.
8. Апресян Ю.Д. Избранные труды, том 1 Лексическая семантика (синонимические средства языка). – М.: Языки русской культуры, 1995. – 365 с.
9. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание: Пер. с англ. Отв. ред. М. А. Кронгауз, вступ. ст. Е. В. Падучевой. – М.: Русские словари, 1996. – 416 с.
10. Вежбицкая А. Семантические универсалии и базисные концепты. – М.: Языки славянских культур, 2011. – 568 с.
11. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов / Пер. с англ. А. Д. Шмелева. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 288 с.
12. Зализняк А. А., Левотина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. Сборник статей. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 540 с.

13. Колесов В.В. Мир человека в слове Древней Руси. – Л.: Из-во Ленинградского университета, 1986. – 182 с.
14. Рождественский Ю. В. Хорош ли русский язык? 2007 – сайт МГУ им. М.В.Ломоносова, филологический факультет, кафедра общего и сравнительно-исторического языкознания. – www.genhis.philol.msu.ru/article_179.shtml
15. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс / Теория метафоры: Сборник: Пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. / Вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой; Общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной – М.: Прогресс, 1990. – С. 5-32.
16. Тюкинеева О.В. История формирования семантики слов категорий состояния в русском языке XI-XVII вв. (на материале исторических словарей русского языка) – автореф. дисс... канд. филол. наук – Новосибирск, 2005. – 23 с.
17. Шнайдер К. Клиническая психопатология: 14-е неизменное издание с комментариями Г.Хубера и Г.Гросс – М.: Сфера, 1999. – 296 с.
18. Тарасова О. Д. Анализ лингвокультурологического поля «эмоции» в сопоставительном аспекте (на материале английского и русского языков) – автореф. дисс... канд. филол. Наук – Москва, 2009. – 25 с.
19. Алексеев А.В. История слов со значением «подавленное состояние духа» в русском языке / автореф. канд. филол. наук – Москва, 1999. – 26 с.
20. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. – 3-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1999.
21. Зализняк А.А. Заметки о словах: общение, отношение, просьба, чувства, эмоции / Зализняк А. А., Левотина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. Сборник статей. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – С. 280-289.
22. Виноградов В.В. История слов. – М., 1994.
23. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / Под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. Изд. 2-е. – М.: ЛКИ, 2008. – 256 с.
24. Ортега-и-Гассет Х. Две великие метафоры / Теория метафоры: Сборник: Пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. / Вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой; Общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной – М.: Прогресс, 1990. – С. 68-81.
25. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка в 4 т. – М.: Прогресс, 1986.
26. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций – М.: Гнозис, 2008. – 416 с.
27. Давтян С.Э., Давтян Е.Н. Реметафоризация как реконструкция утраченной языком метафоры в лексике психотических больных // Обозрение психиатрии и медицинской психологии им. В.М.Бехтерева, №2, 2013. С. 66-69.
28. Давтян Е.Н. Клинико-семантическое исследование сенестопатий / дисс... канд. мед. наук – СПб, 2002. – 162 с.
29. Давтян Е.Н., Давтян С.Э. К эволюционной модели сенестопатических расстройств // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С.Корсакова, №3, 2010, стр. 66-76.
30. Микиртумов Б. Е., Ильичев А.Б. Клиническая семантика психопатологии. Изд-во СПбГПМА, 2003. – 176 с.
31. Зарецкий Е.В. Безличные конструкции в русском языке: культурологические и типологические аспекты (в сравнении с английским и другими индоевропейскими языками) – Астрахань: Изд. дом «Астраханский университет», 2008. – 564 с.

Сведения об авторах

Давтян Елена Николаевна – доцент кафедры клинической психологии и психологической помощи РГПУ им. А.И.Герцена, заведующая дневным стационаром №3 ГПНДС-7, к.м.н. E-mail: elena.davtian@gmail.com

Давтян Степан Эдуардович – доцент кафедры психиатрии и наркологии медицинского факультета СПбГУ, заведующий дневным стационаром №2 ГПНДС-7, к.м.н. E-mail: sdavtian@gmail.com